

Рене Декарт

Итак, я нахожусь здесь, в этом месте, сижу перед камином, закутанный в теплый халат, разглаживаю руками эту рукопись... Да и каким образом можно было бы отрицать, что руки эти и все это тело — мои? Однако надо принять во внимание, что я человек, имеющий обыкновение по ночам спать и переживать во сне все то же самое. А как часто виделась мне во время ночного покоя привычная картина — будто я сижу здесь, перед камином, одетый в халат, в то время как я лежал в постели! Когда я вдумываюсь в это внимательнее, то ясно вижу, что сон никогда не может быть отличен от бодрствования с помощью верных признаков; мысль эта повергает меня в оцепенение, и именно это состояние почти укрепляет меня в представлении, будто я сплю.

Допустим, что мы действительно спим и все эти частности — открывание глаз, движения головой, протягивание рук — не являются подлинными, и вдобавок, быть может, у нас вообще нет рук и всего этого тела; однако следует тут же признать, что наши сонные видения суть как бы рисованные картинки, которые наше воображение может создать лишь по образу и подобию реально существующих вещей.

Такого рода универсальными вещами являются, по-видимому, вся телесная природа и ее протяженность. На этом основании физика, астрономия, медицина и все прочие науки, связанные с исследованием сложных вещей, недостаточно надежны; что же до арифметики, геометрии и других такого же рода дисциплин, изучающих лишь простейшие и наиболее общие понятия — причем их мало заботит, существуют ли эти понятия в природе вещей, — то они содержат в себе нечто достоверное и не подлежащее сомнению.

Джордж Беркли

Для меня очевидно, что чувственные вещи не могут существовать иначе как только в уме, или в духе. Отсюда я вывожу не то, что они не имеют реального существования, а то, что, принимая во внимание их независимость от моей мысли и их существование, отличное от воспринимаемого мною, должна быть некоторая другая душа, в которой они существуют достоверно. Таким образом, как нельзя сомневаться в том, что чувственный мир реально существует, так нельзя сомневаться и в том, что существует бесконечный вездесущий дух, который его заключает в себе и поддерживает.

Очевидно, что вещи, которые я воспринимаю, суть мои собственные идеи и что никакая идея не может существовать иначе как в уме. И не менее ясно, что эти идеи или воспринимаемые мною вещи – сами или их прообразы – существуют независимо от моей души; раз я знаю, что не я их творец, они должны поэтому существовать в каком либо ином духе, по чьей воле они являются мне.

Я отрицаю существование материальной субстанции не потому просто, что у меня нет понятия о ней, а потому, что понятие о ней – противоречиво. Может существовать немало вещей, о которых ни я, ни кто-либо иной не имеет и не может иметь никакой идеи или понятия. Но эти вещи должны быть возможны, т.е. в их определении не должно заключаться никакого противоречия. Хотя мы верим, что существуют вещи, которых мы не воспринимаем, тем не менее, мы не можем поверить, чтобы существовала какая-либо особая вещь, без какого-либо разумного основания для такой веры. У меня нет разумного основания верить в существование материи. Между тем свое собственное бытие, свое собственное душевное существо, душу, ум или мыслящее начало я, очевидно, познаю с помощью рефлексии.

Дэвид Юм

Ни из какого сущего *A* не следует с необходимостью существование сущего *B*. Все, что можно установить, это что *B* естественным образом, регулярно следует за *A* (например, дым – за огнем). Значит, мир для человека есть взаимосвязь определенным образом сконфигурированных фактов. Хотя причинностью называют необходимую связь между фактами, когда из одного факта следует другой факт, но необходимый вывод можно сделать, только выводя одно понятие из другого. Из факта не следует ничего, кроме его существования. Следовательно, причинность существует не в природе, а только в нашем сознании.

Ассоциации представлений строятся на основе причинно-следственных отношений и поэтому кажется, что и все факты основаны на отношении причины и следствия. Когда, например, мы видим, как один бильярдный шар ударяет по другому, то об ожидаемом следствии судим исходя из предыдущего опыта. Однако отношение причины и следствия не является сущностно необходимой связью, присущей объектам, а потому она не познаваема чисто рациональным путем, независимо от опыта. Мы говорим, что *A* и *B* причинно связаны, если многократно наблюдали последовательность их смены, так что представление о *B* ассоциативно следует за представлением об *A* на основе нашей привычки. Но это можно отнести лишь к высказыванию о привычной последовательности представлений, а не к сущности вещей. Поэтому понимание истинных источников и причин всех процессов остается, к сожалению, недоступным для людей.

Николай Бердяев

Судьба человеческого существования осуществляется во времени и стоит под знаком времени. В действительности не изменение есть продукт времени, а время есть продукт изменения. Время есть результат изменения происходящего в реальностях, в существах, в существованиях.

Прошлое и будущее, как существующее, входит в состав настоящего. Вся прошлая история нашей жизни, вся прошлая история человечества входит в наше настоящее и лишь в этом качестве существует. В этом основной парадокс времени: моя судьба осуществляется во времени, разбитом на прошлое и будущее, и вместе с тем прошлое и будущее существуют лишь в моем настоящем. Воспоминание не есть сохранение или восстановление нашего прошлого, но всегда новое, всегда преображенное прошлое. Будущее делает настоящее прошлым, в этом смертоносная связь прошлого и будущего. Время есть болезнь, болезнь к смерти.

Объективированный мир связан с математическим временем и с математической бесконечностью. Математическое время измеряется числом, с ним связаны часы, календарь. Это иное время, чем время внутренней судьбы человека. Но судьба человека выброшена в мир и объективирована. Поэтому она подчинена математически делимому времени, подчинена часам, календарю. Только в духе угасает время, измеряемое числом. Двойственность времени особенно ясна в отношении к мгновению. С одной стороны, мгновение есть математически малая часть времени, оно математически делимо, оно вставлено в течение времени от настоящего к будущему, но, с другой стороны, есть мгновение, которое не принадлежит уже подчиненному числу, делимому времени, которое не распадается на прошлое и будущее, которое принадлежит вневременному настоящему, которое неделимо и входит в вечность.